

«История Российская» по составу использованных Татищевым источников распадается на две резко различные части. Первая, вводная ее, дорюрикова часть является вместе с тем и долетописной: она вся построена Татищевым на использовании данных древних, средневековых и новых западноевропейских источников и литературы. Остальные же части, по одному из определений самого Татищева, оказываются «собранием из древних русских летописцев». Естественно, что все внимание Шлёцера было привлечено именно летописными частями «Истории Российской».

Шлёцер, излагая свои мнения о летописной части «Истории», останавливается на том, как Татищев предполагал вначале, что полученная им от Брюса рукопись летописи является единственной рукописью древней летописи, и как после обнаружения Раскольничей летописи и в ней разноречий с имевшимся уже у него текстом он предпринял розыски и еще других рукописей, в чем «счастье» ему сопутствовало. Шлёцер одобряет, судя по его изложению, что Татищев из десяти таким образом оказавшихся в его распоряжении летописных «кодексов» создал «новый кодекс», включив в его состав «почти все», что находилось в имевшихся у него кодексах. Особенно было оцепено Шлёцером то, что Татищев «в суждениях и примечаниях своих приводит также часто разнословия из таких списков, которые только у него были в руках». Оценивая эту сторону работы Татищева, Шлёцер считал, что Татищевым сделаны «верные извлечения из летописей до 1462 г.» (в относящемся к тому же 1802 г. «Несторе» Шлёцер писал о «точном, хотя не вполне верном извлечении из временников»). Вся эта работа еще не требовала геттингенской «ученой подготовки».¹⁷

Шлёцер, помня о прирожденном «гении» Татищева, обнаруживает, что «в нем уже веял критический дух». Татищев «с истинной добросовестностью» сохранял в своем тексте «темные для него места», объясняя их в примечаниях «как мог»; Татищев равным образом не внес в свой временник «новых подделок», связанных с основанием Новгорода; он «не скрывает», что отрывок Иоакимовской летописи попал к нему «подозрительнейшим образом». Шлёцер более доверяет «россиянину» Татищеву в вопросах исторической географии, чем тем, кто «с ученостью рассуждает о Геродоте, Страбоне или Плинии, веря им, как Евангелию».¹⁸ Однако отсутствие в «Истории Российской» ссылок на источники, откуда заимствовано в ней то или иное место, вызвало решительное осуждение Шлёцера как «добросовестного, критического, по выражению некоторых людей педантического (это подчеркнуто им), исторического исследователя, который не при-

¹⁷ Schlözer A. L. Probe russischen Annalen, S. 150; Нестор. Русские летописи, ч. I, с. VII; Общественная и частная жизнь..., с. 54—55.

¹⁸ Общественная и частная жизнь..., с. 52; Нестор. Русские летописи, ч. I, с. И; ч. II, с. 19, 154, 160.